18+

Чистый лист 2

Обратная сторона

Александр Олегович Малашенков

Чистый лист – 2. Обратная сторона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67618272
ISBN 9785005640420

Аннотация

Хотим поблагодарить всех наших друзей, чьи произведения вошли в этот сборник, огромное спасибо за ваш труд и талант!Надеемся и верим, что наше общение и работа будут продолжаться…Вдохновения вам, друзья, счастья и мира!

Содержание

Камень Петров 7
Клинок времен 7
Ангел закованный в ад 9
Красные гвоздики поцелуй навзрыд 11
Танец над бездной 13
Приговоренный 14
Юрий Никитенко 15
Инфаркт 15
Шестая Рота 17
Баллада о боевом коне 19
Моей стране объявлена война… 23
Demen Keaper 25
Мотыльки… 25
Молчание камней 27
Ему оставалось только мечтать… 29
Человек-Воротник 31
Ночной перелёт 33
Екатерина Адаменко 35
ПРИЗНАНИЕ ДОРОГЕ 35
ОФИЦЕР ВЕЛИКИХ ПОБЕД 37
В УЩЕЛЬЯХ КАВКАЗА… 39
ПАМЯТИ ЭКИПАЖА АПЛ «КУРСК» 41
ТАК ХОТЕЛОСЬ, ЧТОБ ТЫ ПОЖИЛ… 43

Надежда Россихина 45
мы где-то не там добывали огонь 45
Я буду читать мураками в твоем подъезде 46
Осенью мягче становится голос (Если бы Карлсон был женщиной) 47
Настроение ехать к тебе 49
Нотр-Дам 51
Владимир Верхогляд 52
ФАНТОМНАЯ БОЛЬ 52
Бог разделил нас пополам 53
ДУША МОЯ УВЫ В ЦЕПЯХ 54
Вновь покоряюсь я судьбе 55
Поэтическое размышление 56
Татьяна Торгашина 57
Бабушке 57
Оставь же мне хотя бы слова! 58
Ты своей кудрявой главой 59
Синица 60
Тишину, как пальто, ночь на плечи накинет 61
Татьяна Городицкая 63
Во тьме… 63
Моему Ангелу 65
В параллельных мирах 66
Охотник 67
Мы в тишине черпаем вдохновение 68
Иван Зайцев 69

Tabula rasa 69
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Чистый лист – 2
Обратная сторона

Редактор Александр Олегович Малашенков

ISBN 978-5-0056-4042-0 (т. 2)
ISBN 978-5-0056-4043-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Камень Петров

Клинок времен

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.
От Иоанна 1 глава

Время вскачь, пыль да сумрак, дорог перекрестки,
Сколько стерто подков, сколько загнанных пало коней.
Сладким соком любви кровоточат родные березки,
На могилах отцов, в тленном рубище скомканных дней.

Дымом пахнет рассвет, честь дедов на сыновьем пороге,
У промоленных троп, каждой пядью родимой земли.
Что хранит в глубине отпечатки дедовских ожогов.
Остужённых в потоках, что из глаз материнских текли.

Реки пролитых слез, что несут океаны печали.
В них стальные клинки закалялись на вечную жизнь.
Русским духом они, как печатью на веки скреплялись
И на честь дочерей самой смерти пред Богом клялись.

Вновь чужие волхвы, разбредаясь, громят обелиски,
Смотрит смерть в циферблат на преступников данных ей

клятв.
А златая орда сучьих отпрысков, суть – одалиска.
Вместо сока берёз плещет в кубки нам Каинов яд.

Смертью выкован меч из предательств, из лжи, из обмана,
Из растлённых идей, покрещенных в желудочный сок.
Из двуличия фраз, с похотливою маской дурмана.
И с серебряных пуль, попадающих точно в висок.

Ангел закованный в ад

В бледном свете луны, дева-ночь – одинокою птицей.
В заколдованном круге холодных сердцами огней.
Бьётся, выход ища, режет крылья о прутья зарницы.
Заключенная в страсть,
За чертою безгрешных теней.

В чёрном логове дней,
Заплутавшая узница лета,
На обугленных снах
С оголенной для солнца душой.
Взгляд ослепших миров,
Одурманенных дымкой рассвета.
В мегаполисах тьмы, с поизмятой, как простынь мечтой.

Звезды, совы, луна,
Луч тепла в каменеющих лицах.
Лишь шуршит пустота
Рваной кромкой неискренних слов.
В переулках судьбы,
Словно призраки в древних гробницах,
Бродят идолы тьмы
В опостылевшем крике часов.

Кто ты, птица ночи?
Брошен вызов всевидящим оком.

Рвет саму темноту твой пронзающий сущностью взгляд.
Из разбитых зеркал бьёшь по сердцу зияющим эхом.
Белокрылая ночь,
Чей ты ангел, закованный в ад?

Красные гвоздики поцелуй навзрыд

Красные гвоздики, первый поцелуй,
Лето, ночь, зарница, сердце не балуй.
Взгляд на звездном небе заплутал в мечтах,
Грёзами сверкают мысли в облаках.

Как же ей признаться -думал мальчуган,
В душу кралось утро сквозь густой туман.
Но взревев мотором черные крыла,
Разметали грёзы взрывами до тла.

Хрупкая девчушка- поцелуй навзрыд
Станция – «разлука» губы холодит.
Напоследок тихо, скажет ей- «люблю»,
Ты пиши почаще, только не горюй.

Штампы на конверте девичьей слезой,
Следом запросилась хрупкой медсестрой.
Только и успела написать письмо,
Обвенчал их в поле вражий пулемёт.

Кровью пропиталась мертвая земля.
Возмужал до срока, на сердце храня.
Белый треугольник, строчек амулет,
Что назло смертям всем сберегал от бед.

Тропы выбирая сердцем наугад,
По судьбе петляя, шёл домой солдат,
Белый треугольник гимнастёркой скрыт.
Красные гвоздики. Поцелуй навзрыд.

Стихотворение написано в соавторстве
со Светланой Лысенко

Танец над бездной

Лентой отчаянья – гибкая юность,
Кружит над бездной времен.
В танце безумия жизни коснулась
Нежность, страстям в унисон.
Над беспробудно оглохшей вселенной,
Чувственной взвившись волной.
Вечности вызов – мечтой сокровенной.
Бросила хриплой струной.
Каплей хрустальной, безропотной странницей,
Мчащейся в сонм пустоты.
Трепетной искрой и Божьей избранницей
В блеске своей красоты.
Всплески мелодии в томные локоны,
Миру вплела вопреки.
Птицей взметнулась, мятежно безропотно
Над побережьем стихий.
Как ты прекрасна в своей безрассудности,
Хрупкая девочка-жизнь.
В танце своем на пороге безбрежности.
Только не падай-кружись

Приговоренный

Он был одним из нас, так веско многих,
Извечный узник зазеркальных врат.
Король князей и властелин убогих.
Всевидящий – то друг, то супостат.
Так лживо прав, так искренен нелепо,
То горько чист, то сладок, как обман.
Затворник чести и кумир вертепа.
Любимец, созерцатель и тиран.
Несущий крест вселенских отражений,
Средь мечущихся странников миров.
Он знал в лицо победы с пораженьем
На роковом судилище часов.
Пленен на жизнь из зазеркальных царствий.
На преданность, на подлость, на войну.
Свободный узник, замкнутый в пространстве,
Влюблённый откровенно в тишину.

Юрий Никитенко

Инфаркт

В толпе идущий неприметный мужичонка,
Лицо простое, а в чертах тех-вся страна,
Вдруг остановишься, и время лопнет звонко,
Когда из глаз чужих оскалится Война…

Седой парнишка, просто встреченный прохожий,
Глазами в пепле вдруг невольно обожжет,
И ты узнаешь этот взгляд, на тот похожий,
Что ты пытаешься забыть который год…

И память хлынет кровью вспоротого горла,
И всё забытое вернёт вдруг в разум твой,
Ты исподлобья поглядишь знакомо, гордо,
Как там, «за Речкой»*, в поиск шёл когда, и в бой…

Ты вновь, навьюченный, стоишь на перевале,
Туман в низинах, ничего не разглядишь,
И вновь погибшие друзья с тобою встали
Плечом к плечу. Ты в лица смотришь и молчишь.

И сердце выпрыгнет вот-вот, от осознанья,

Что вновь ты там, что рядом-вот они, свои!
Тебя слова коснутся, будто их дыханье:
«Ну здравствуй, брат! Как поживаешь, шурави**?»

Боль разорвёт на части, будто пули в спину,
И ты увидишь мир как будто с высоты,
Вдруг осознаешь, что смотрел ты сквозь витрину,
А отраженье – тот парнишка, это ты…

На тротуар упал, подумав, как же странно,
Хотел схватить губами воздух, но не смог.
Толпа раздвинулась брезгливо: «Вот же, пьяный»,
А над тобой, смахнув слезу, склонился Бог…

*За речкой-так называли Афганистан. Выражение «За речкой», было придумано военнослужащими во времена Афганской войны. Речка эта Аму-Дарья;

**Шурави-так в Афганистане называли советских людей, в частности военнослужащих. Дословно переводится как «советский».

Шестая Рота

Земля остыла, бой давно затих,
Борты взлетают плавно, даже слишком,
В стальных отсеках мёртвые братишки,
И между мёртвых несколько живых.

Сквозь стрёкот лопастей звучат слова,
Их слышат те, живые, и пилоты,
Последнее «прощай» десантной роты,
На грани слуха, вот, едва-едва:

«Сестре скажите в Туле, не вернусь…»
«Письмо отправьте деду, там, в кармане.»,
«Как то, что я погиб, расскажут маме?»
«Да это не со мной, сейчас проснусь!»

«Бинокль не передал братишке в Тверь.
Свезите, кто живой, отдайте парню.»
«Не починил тогда бабуле ставни,
Одна осталась, как она теперь?»

Борты взлетают, разгоняя дым,
Снег присыпает свежие воронки,
Смерть разлетится в каждой похоронке,
Чтоб посмотреть в упор, в глаза живым.

Ушла о доме вечно видеть сны
Не сдавшая рубеж Шестая Рота,
Ушла на Небо, выполнив работу,
На стыке лютой стужи и весны…

Борты взлетают, лопасти дрожат,
Борясь с тяжёлым воздухом чугунным,
И плавно пролетают над Аргуном,
Боясь как будто растрясти ребят…

Баллада о боевом коне

Рос он в вольной степи. Молодые ветра
Были так же, как сам он, игривы.
Степь любила его, и была с ним добра,
Тёплым воздухом гладила гриву.

Был ещё человек, не хозяин, а друг,
Друг и степь для коня неделимы.
Конь летел к нему, слыша шагов его звук,
Будто нитью привязан незримой.

Конь-солдат, конь-красавец, силач вороной,
И усталости ноги не знали.
Вместе с другом учились в бою держать строй,
Не бояться мерцающей стали.

Лето, сушь, горизонта даль еле видна,
Вдруг тревога, коней все седлают,
Вороной слышал странное слово «Война».
Для чего ж они степь покидают?

«Друг скажи, для чего оставляем мы дом?»
К паровозу цепляли теплушки,
Небо плакало тёплым и сильным дождём,
На платформах машины и пушки.

Сотни, тысячи хмурых коней и людей
Под дождём погрузили в вагоны,
Встали стрелки железнодорожных путей,
И на запад пошли эшелоны.

Путь не близок, на каждой стоянке казак
Приходил к своему вороному,
Ветры тоже здесь дули, но как-то не так,
Да и воздух тут пах по другому.

Вот и выгрузка, сводят по доскам коней,
Тёмным, пасмурным утром тревожным.
Здесь другая земля, и шагает по ней
Вороной под уздцы, осторожно.

Лето кончилось, осень, потом и зима,
Подмосковье накрыли метели,
Казака с вороным научила Война
Ненавидеть чужие шинели.

Научила Война под огнём идти в бой,
В рейдах в снег залегать без отмашки,
Не шарахаться, если карминной струёй,
Хлещет тёплая кровь из-под шашки*.

Но однажды, из рейда к своим выходя,
Вдруг увидели, на полустанке
Как съезжали с платформ, смрадным дымом чадя,
С серо-белыми пятнами танки.

Понеслось на от страха белевших врагов
Отовсюду старинное «Слава!»,
А на станцию с блеском и свистом клинков
Чёрной тучей сквозь снег мчалась лава**.

Крики, выстрелы, кровь, и разрывы гранат,
Танк горящий, дым чёрный клубами,
Кони мчались насквозь через огненный ад,
Выносили себя с седоками.

Высверк шашки, и харкает кровушкой враг,
В ненавистных белёсых погонах,
Вдруг ослабли поводья, знать что-то не так,
Друг упал у чадящих вагонов.

Вороной лёг на землю, призывно заржал,
Человек за поводья схватился.
Слышал конь, как от боли казак застонал,
И на шею ему навалился.

Конь поднялся и друга понёс на себе,
Как солдат с поля боя солдата,
Но не вынес, так, видно, угодно судьбе,
И под ноги упала граната.

Вздрогнул друг, кровь плеснула, на землю упал,
Над конём в небе звёзды качнулись,
Рядом лёг вороной, молча, будто устал,

Ноги вдруг у него подогнулись.

И на мертвого друга свой гаснущий взгляд,
А в том взгляде в степи они скачут,
Вороной устремил. Всё вернётся назад,
Разве может в раю быть иначе.

*шашка- (кабардино/черкесский: са-шхо, буквально длинный нож) – длинное клинковое рубяще-колющее холодное оружие: довольно широкая, с малым погибом, с гладкой и голой рукоятью, в кожаных ножнах, на узком ремешке через плечо; носится наоборот, обухом вперед (удар в ножнах); шашкам, по клейму на них, присвоены особые названия: волчок, гурда и пр. Изначально применялась западными адыгами (черкессами) для рубки виноградной лозы. Широкое свое распространение получила на Ближнем Востоке, в Центральной России и на Кавказе;

**лава-разновидность атакующего конного строя.

Моей стране объявлена война…

Моей стране объявлена война,
Война за души, за детей, за память,
Как будто кто-то хочет бритвой править,
Стирать, срезать героев имена…

Моя страна который год больна,
Стенает под «инстою» и «тиктоком»,
Не в силах выживать под злобным роком,
Под тоннами заразного г… на.

И кто завёл уклад такой вещей?
Где этот бритвой машущий провизор,
Тот, что растит из взрослых телевизор,
А из детей-на грядке овощей?

И какова предательства цена?
За сколько можно лить дерьмо с экрана,
Историю менять поделкой странной,
В которой даже правда не видна.

Менять в программе школьной для детей,
Победы на позор и небылицы,
Да, вами б дядя Геббельс мог гордиться,
И он бы не придумал всё чудней.

Отходят с боем со своих страниц,
Под артобстрелом чьих-то слов и вбросов,
Гастелло, Девятаев и Матросов,
И размывает ложь черты их лиц.

Для войн иных в учебниках нет слов:
«Гюрза» и «Кобра», комполка Буданов,
Достойны ли они киноэкранов?
А Родионов? Костя Мосалёв?

Молюсь о тех, кто в нынешней войне
Свой вносит вклад в борьбе, борьбе за Память,
Кто не даёт на эту Память-гадить,
Чей Свет горит под ветром и во мгле.

Кто помнит, чтит, героев имена,
И чьё перо победы прославляет,
Кто не сдаётся, и не забывает,
То, что стране объявлена война…

Demen Keaper

Мотыльки…

Возможно… Прощайте… Последняя фраза…
Не плачьте… Не плачьте!!! Забвения НЕТ!!!
Но голос срывается не для показа,
И меркнет меж кронами Солнечный свет…

Сегодня у Ангелов много работы—
Взлетают, покинув родных, Мотыльки,
И каждый получит тепло и заботу
В легчайшем касании белой руки…

С улыбкой встречают бессмертные души,
И песни звучат неземные для них,
И флейты не смолкнут в руках у пастушек,
И свечи в глазах отразятся людских…

Сердца у родителей скованы болью,
И головы дружно склонила страна…
Мы слёзы роняем на руки невольно,
И души пронзает чужая вина…

Не плачьте… Не плачьте!!! Мы вместе навеки!

Мы в списках живых впишем несколько строк…
И Времени вынесут скорбные реки
Последние фразы на белый песок…

Я вижу счастливые детские лица,
И Небо огнями цветными полно…
Летят Мотыльки, освещая страницы…
Их Боги вплетают в души полотно…

Молчание камней

Когда молчат несдвинутые камни,
Своим величием у Вечности отняв
На прахе нашем созданные планы,
Рождаются Герои из огня…

И тропами нелёгкими штурмуя
Подходы к мощным стенам крепостей,
Они хранят оттенки поцелуя
В крови бубновых карточных мастей…

Гадалки предрекали им забвенье,
Пророки потеряли яркий след,
Но камни отвергали это рвенье,
Затмить пытаясь Неба паритет…

Оно ещё услышит тихий ропот,
Познает мощь написанной строки,
Когда накроет поле конский топот,
Сметая побледневшие полки…

И Небо впишет в Белые Страницы
Камней Танцующих на бритве имена…
Тогда Героям ночью будут сниться
Сражения в былые Времена…

Молчание камней – необъяснимо,
Но так понятно сердцу моему,
Когда смотрю на старый детский снимок,
И Вечность гладит пальцами струну…

Ему оставалось только мечтать…

В прихожей задремал ночник
Под шёпот шляпы на крючке,
И плащ, вздыхая в воротник,
Мечтал о чём-то в уголке…

Он зябнул в этот поздний час,
Намокнув в парке под дождём,
Когда включив в наушник джаз,
Хозяйка грусть кроила в нём…

Ночник – домашний оберег
И мир не видел он иной,
Обычный коротая век
За крепкой каменной стеной…

Ночами слушал и сопел
Пальто, и плащ, и башмачки…
У них так много важных дел—
Кино, прогулки вдоль реки…

А он – никчёмный сувенир —
Не видит даже Лунный свет!
Пришлось создать особый мир,
Где плыл вперёд его корвет…

Поведал плащ о кораблях,
О буйном ветре за кормой,
И жил теперь ночник в морях
В борьбе с теченьем и волной…

Сегодня шляпа «завелась» —
Про осень свой вела рассказ…
Листва сменила в парке масть…
Но вечер смял остатки фраз…

Ночник вздремнул, рисуя сны,
Где он как храбрый капитан
Извлёк хозяйку из волны,
Дрейфуя к дальним берегам…

Человек-Воротник

Во дворе под зонтом Человек-Воротник
Простоял целый вечер уныло,
Он давно к непогодам, отчасти, привык,
Наблюдая прохожих в затылок…

Никогда не смотрел встречным людям в лицо,
Опознать мимолётного взгляда
Человеку хватало в стране подлецов,
Где законность в сортире измята…

Ни погон и ни званий больших не имел,
Неприметная с виду фигура,
Человек-Воротник – незаметен и сер,
Полноправный работник структуры…

Вот опять собирает в квартире объект
Подозрительных личностей свору…
Неугодный сторонник прозападных сект
Удостоен уже приговора…

Всех запомнит легко Человек-Воротник
И назавтра доложит начальству,
Ощущая блаженства паскудного миг
И потребную верность фискальству…

Нищеброд и проныра, но верен стране,
В вечном в страхе потерянной пайки,
Перед каждым прогнётся в тщедушной спине,
Ощущая, как взвились нагайки…

В перестрелках не значился, не побеждал,
Встретил старость на ветхом диване,
Наполняя заляпанный грязный бокал
Мерзким пойлом и дыркой в кармане…

Ночной перелёт

Я по тебе скучал безумно
И Стингом кофе разбавлял,
Тревожа свет в окошке лунный
И тени в сумерках зеркал…

Ходил по парку одиноко,
Ссыпая с парапета снег,
И туч пугая поволоку,
В тоску небесный свод поверг…

В трамвае ехал до конечной…
Обратный разорвав билет,
Понуро шёл назад по встречной,
Клаксонов не приняв квартет…

Водители крутили пальцем,
Кричали вслед на языках
Забытых по пивным страдальцев
С клеймом отверженных в зрачках…

Потом торшер играл в морзянку
В пустой квартире на углу,
Пока часы стекали в склянку,
Разбрызгав стрелки по полу…

Скучал в своём удобном кресле,
Смотрел на мрачный телефон,
А Стинг сдирал обои песней,
Фонарь скрёб стены за стеклом…

Полёт, быть может, и недолог…
Но Вечность, руки разбросав,
Вписала неуёмный холод
В наш нереальный прочный сплав…

Алло! Алло! Я прилетела…
Родители меня везут…
Тоска, блеснув за шторой телом,
Порочный разомкнула круг…

Екатерина Адаменко

ПРИЗНАНИЕ ДОРОГЕ

Мелькает деревьев зелёное море,
Проносятся мимо столбы деревень
И я в этом дивном, широком просторе
Едва ли заметней, чем мутная тень.

С тобой на пути сердцем я говорила,
Блокнот заполнялся чернилами строк.
Дорога, дорога… Ты мне подарила
Такой драгоценный для жизни урок.

С тобой размышляя, в отсвете оконном
Я вижу себя, удивляясь мечтам.
И в чьём-то лице, незнакомом и сонном
Увижу вдруг жизнь человека, и там

Такое же море бездонным потоком
Из радостей, ссор, недосказанных фраз
В глазах, что увидишь в окне ненароком,
Случайно, лишь взгляд обронив, только раз.

Когда свет в ночи озаряет дорогу,

Собой разрезая полночную тьму,
Тогда свои жизни доверим мы Богу,
Ведь верить мы можем себе и ему…

ОФИЦЕР ВЕЛИКИХ ПОБЕД

В двери банка вошел старый дед,
И спросил у охранника скромно:
«Ты, сынок, дай простой мне ответ,
Где найти в этом зале огромном
То окно, куда платят за свет».

Заплатил и забрал уже чек,
Огляделся спокойно по залу,
И сказал: «Ограбление. Век
Мой кончается, времени мало,
Я военный простой человек».

В телефон попросили его
Рассказать всё ж, чего он желает.
И ответил старик: «Лишь того,
Что листочек бумаги лишь знает,
Вот прочти. Больше мне – ничего».

Через час принесли тот пакет,
С содержимым, дороже алмаза.
И, одевшись, ступил на паркет,
Боевой офицер. Не спецназа,
Но военных Великих побед.

И он вышел. Не взяв ни гроша.

Лишь напомнив, что те ветераны
Воевали за жизнь. Их душа
Не одной покороблена раной —
Жизнь когда-то была хороша…

Офицера под руку держал
Ветеран современного боя —
Он афганец, но смерти кинжал
Тоже видел, и чести достоин —
Выжил стойко и духом не пал.

Гордо шли ветераны вперёд,
Позади двери банка оставив.
И, старик, замедляя свой ход,
Вдруг упал. Ничего не исправить.
Он окончил свой славный поход.

В тишине робко Смерть подошла,
И поставила рядом свой ранец.
В него душу запрятав, ушла.
Лишь стоял на коленях афганец
И слеза по щеке потекла…

В УЩЕЛЬЯХ КАВКАЗА…

Шел бой очень рьяный в ущелье Кавказа,
Дрожала земля, задыхаясь свинцом.
Никто нам об этом тогда не рассказывал,
Когда погибали боец за бойцом.

удары арты всё в округе вскопали
И пули свистели, ища свою цель.
А крики предсмертные в дальние дали
К родным улетали сквозь жизни прицел.

Бойцы умирали, бойцы не сдавались,
Хотя понимали что это конец,
А их командиры домой отправляли
В гробах, чтоб за сердце схватился отец.

Невеста и мама над свежей могилой
Рыдают, обнявши портретик родной
И где же найти им дальнейшее силы
Чтоб выжить, да после потери такой…

…А на боевых поминают братишку,
Наполнены кружки и рядом берет.
Вот, кто-то спиртяги испробовал слишком,
И бросился плакать на алый рассвет.

Кричал, как ребёнок, войну проклиная,
И кинув на землю берет боевой,
Забыл во хмелю, как комбат, погибая,
Прижал его к сердцу здоровой рукой.

Но парня никто осудить не посмеет,
Потери даются по-разному всем.
Кто плачет, кто злится, кто просто звереет,
Хоть злость далеко не источник проблем.

Проходят года, выцветают береты,
Могил прибавляет другая война.
Но помнит солдат слезы те, на рассвете,
И знает, что в них не берета вина.

О братьях погибших написаны песни,
И жаль, что тогда не успел он сказать:
«Братишки, достоин я воинской чести —
На ваших руках и в бою умирать…»

ПАМЯТИ ЭКИПАЖА АПЛ «КУРСК»

Который час стучу я в переборку,
Всё тяжелей становится дышать…
Ждать помощи нет никакого толка,
Но должен из последних сил стучать.

Нас двадцать три осталось человека,
А может кто ещё… Не знаю я.
Минуты тянутся длиной почти полвека,
Но засыпать сейчас никак нельзя.

SOS, моряки, спасите наши души!
Мы живы, держимся, давайте поскорей.
Но некому сегодня это слушать,
Спят крепко боги северных морей.

Наощупь всё, но нет движеньям силы,
Ну неужели так нам умирать?
И лодка станет преданной могилой
Для тех, кто полюбил её, как мать…

На грунте так темно и так спокойно.
Лягли на дно, не зная почему…
И странно, что ни капельки не больно,

Но не желаю это никому.

Я, видимо последний… Отключаюсь…
Ушёл я в море… Так вот… Навсегда…
Ребята… Не хочу, но жизнь кончается…
Холодная… Солёная… Вода…

ТАК ХОТЕЛОСЬ, ЧТОБ ТЫ ПОЖИЛ…

Знаешь, брат, я всё помню точно,
Будто было совсем вчера…
Добрый парень со взглядом волчьим
Рано к бою готов с утра.

Неприметный, спокойный очень,
И с холодным умом всегда,
Раз за разом и страшно – точно
Знал, откуда идёт беда.

Но при случае, поднимаясь,
На задание, на этаж,
Леску ты натянул, пытаясь
Сохранить нас, и через час

От обстрела оглохнув, срочно,
Возвращались, решив «дела».
И нежданно, и не нарочно,
Смерть на доме прицел свела.

И в соседний подъезд снарядом
Разрядившись, не видя нас,
Чьим-то голосом прокричала,

Что исполнен её приказ.

Стены страшно в тот миг тряхнуло,
Оглушило, но всё ж везло.
Мы бежали, как ветры дули,
Вон от смерти, чертям назло.

И забыв о своей растяжке,
Ты на леску свою упал.
Вспоминать это мне так тяжко —
Звонкий взрыв, а потом провал…

Потерявши второй свой номер,
И кричавши, что было сил,
Не хотелось понять, что умер,
Так хотелось, чтоб ты пожил…

Надежда Россихина

мы где-то не там добывали огонь

мы где-то не там добывали огонь,
не так поджигали чучело,
зима, говорю, уходи, не тронь,
город не обеззвучивай.
мы где-то не там познавали жизнь
и не на том учились;
я, например, не умею шить
и находить причины.
эта бессонница по весне,
солнечной, но холодной,
снова не учит, а лишь извне
больно стучится в окна.

Я буду читать мураками в твоем подъезде

я буду читать мураками в твоем подъезде,
ручкой писать на стенках слова и цифры,
ты кофе мне будешь носить почти остывший
и пробовать разгадать непонятный шифр.
весна будет красться как хищник за ценной жертвой,
совсем незаметно нам оставлять намеки,
и вдруг нас накроет – знакомое и не первое,
но, черт возьми, пронзительное и глубокое.

Осенью мягче становится голос (Если бы Карлсон был женщиной)

Осенью мягче становится голос
И веселей глаза;
Мальчик, ты все, конечно, понял,
Но ничего не сказал.
Осенью дождь смывает улики,
Можно гулять вдвоем;
Мальчик, какой ты сегодня дикий,
Не хочется – не пойдем.
Осенью я становлюсь смелее,
(Тебя нашла, например),
Делаю кофе погорячее,
Ставлю секундомер.
Я засекаю мгновенья счастья,
(Можешь сидеть со мной)
Они умножаются, если чаще
Вслух говорить с луной,
Ночь выпивать по глотку,
Смакуя, курить ее тишину
И рисовать на стекле оконном
Символами – мечту.
Когда ты рисуешь свои желания,

Ты помогаешь им
Стать твоим лучшим переживаньем
И воплотиться в жизнь.
Чувствуешь, осень – она как призрак
(Можешь считать – как я),
Вот тебе книжечки и конфеты
(Сначала, чтоб мир понять),
Ты пока маленький, не влюбляйся,
Я ведь опять уйду.
Кофе остынет, ты не стесняйся,
Вылей. Духи не пьют.

Настроение ехать к тебе

настроение: ехать к тебе,
ничего не ждать.

обещай никогда,
никогда
нас не повторять.

обещай никогда,
никогда
не искать причин.

так случилось:
мы встретились
мы прочти

все страницы
друг друга,

мы стали
ещё смелей.

мы же дети
одной вселенной,
хранители всех ключей,

мы – огни маяков
друг для друга,
мы острова.

мы – бессонное пламя,
манящие берега.

настроение: быть с тобой
ничего не ждать.

обещай никогда,
никогда
нас не повторять.

Нотр-Дам

когда все разбегутся по комнаткам и мечтам,
а автобусы в парке въедут в ночную кому,
звездный мальчик считает братьев на небосклоне
и замечает, сколько на небе драм.

у нас драмы земные: сдохнуть от передоза
надежд на другого, не сбывшихся в новый год,
и опять просыпаться с мыслью, что будет поздно
запросить у вселенной свой одноразовый код.

когда все разбегутся по комнаткам и мечтам,
одинокие скурят депрессию на балконе,
больше всех пострадает наш внутренний нотр-дам,
и обрушится шпиль у истории с криком: «помню!»

Владимир Верхогляд

ФАНТОМНАЯ БОЛЬ

(или Иллюзия любви)

Если честно, я знаю, тебе я не пара.
И надежды на что-то давно уже нет.
Так скажи: почему мне ниспослана кара:
Полюбить, как мальчишка на старости лет?

Сожаленья прошли, как снежинки, растаяв,
Много всякого было за время оно…
И забыть я пытался тебя, дорогая.
Понимаешь… Так глупо… совсем не смешно…

Я тебя понимаю прекрасно. Не думай:
Осуждения нет… На душе только боль…
К сожаленью, (увы!) все окончилось бурей.
Навсегда потерял я тебя и покой…

Бог разделил нас пополам

Бог разделил нас пополам
И каждый ищет половинку.
Скажу по честному я вам:
Тут философская картинка

И что поделать… жизнь.. увы!
Бывает так: в густом тумане
Теряем мы свои следы,
Идем и просим Христа ради.

И просим счастья своего,
Кому-то власти не хватает,
Кому-то злата, все мало
Все для себя… себе пихает!

Но вот придет расплаты час…
За власть, за золото… А рядом?
Кто вам попить в постель подаст?
Накроет кто вас одеялом?

Ищите люди до конца!
Свою, и только, половинку!
Пусть будет счастья на века!
Найти бы мне свою тропинку…

ДУША МОЯ УВЫ В ЦЕПЯХ

Хочу услышать, вновь, твой голос,
Чуть резковатый, но родной…
В моей душе мороз и хаос,
Боюсь нарушить твой покой…

Я знаю только, что жива ты.
А более не знаю ничего.
Мне дьявол сдал такие карты…
Уже десяток лет прошло!

Какое там десяток! Больше!!!
Ты – наказание! Ты – рок!
Я стал (увы…) намного старше.
Седой.. Почти что старичок…

Уже прошли мечты и страсти.
Все, к сожаленью, это – прах.
И все проходит лишь отчасти…
Душа моя, увы, в цепях…

Вновь покоряюсь я судьбе

Сдавило грудь, как будто обруч…
Уже (увы!) за шестьдесят…
Сон не идет… Зима и полночь…
А я пытаюсь все понять:

Зачем свела судьба дурная?
Мираж, обманка вся любовь!
Так много лет покоя я не знаю.
Все так же больно вновь, и вновь.

Казалось, все уже забыто.
Но, что за черт меня несет?…
Все обещания размыты,
Ах глупость…! Кто меня спасет?

Вновь, я ищу тебя по свету.
Вновь, я хочу сказать тебе….
Вновь без тебя мои рассветы.
Вновь покоряюсь я судьбе…

Поэтическое размышление

Я до сих пор, увы, не знаю
Такого чувства, как любовь…
Простите, формулу меняю:
Любить любил, но… горечь вновь…

Так получилось. Я смирился.
Чудес на свете не видал.
Я на тебя почти молился,
Но Бог любви в ответ не дал.

Живу по-прежнему спокойно.
А что внутри? Там пустота…
Уже не долго… и не больно
Прости меня, моя мечта.

Татьяна Торгашина

Бабушке

Ты знаешь, очень трудно отпустить
– Не обижайся на меня за эти слезы.
Я больше не смогу тебя спросить,
О чем-то… Принесу лишь эти розы…

Я знаю, что нам каждому дано
Немного времени, и точка. В виде даты.
И пусть за нас уже на небе решено —
Так сложно пережить всю боль утраты…

Как дальше жить, как встать мне по утру,
Принять тот факт, что больше ты не дышишь?!
Ведь очень сильно я тебя люблю,
И я надеюсь, что меня ты слышишь!

Оставь же мне хотя бы слова!

Оставь же мне хотя бы слова!
И пусть они безмерно пусты.
Я знаю: ничего нам нельзя,
Но сердце не обманешь, в нем ты…

Оставь прикосновенье руки
Случайное, одним рукавом.
Не торопись, сжигая мосты,
Чтоб боль не поглотила потом…

Оставь улыбку, что на губах
Твоих вдруг промелькнула сейчас.
О нас забыли на небесах,
Да не теперь, а множество раз.

Как больно воскресая сгорать,
Рассыпавшись в кусочки золы.
Я не могу о вечном мечтать,
Ведь все, чего хочу, это – ты.

Ты своей кудрявой главой

Ты своей кудрявой главой
Мне напомнишь Сергея Есенина.
Облака проплывут над тобой
Понимаешь? Любовь обесценена!

Ее нет ни в стихах, ни в словах —
Только фальшь покрывает страницы.
И мечтаешь о журавлях,
Разбивая сердечко синицы…

Да, смеешься мне прямо в лицо,
Синью глаз иссушая, но все же.
Ты взбежишь на мое крыльцо,
Пошучу: «Вот он мой Сережа…»

Только ты не поэт, не франт —
Хрупкий мальчик с разбитым сердцем
За эпичность получит грант
Наш роман, пересыпанный перцем.

Синица

Ты скучаешь по листьям, ветер?
Они брошены были в поле,
В день осенний, да на рассвете
Никогда их не встретишь боле.

Никогда не окинешь взглядом,
Не погладишь по нежной коже.
Ты пропитан смертельным ядом,
Что тоскою зовут. О Боже…

Эта адская боль у сердца,
Хотя, знаешь, порою снится.
Что под ребрами – в клетку дверца,
В ней о прутья бьется синица.

Отпустить бы мне в небо птицу,
Только боязно безвозвратно
Провожая взглядом синицу
Не вернуться самой обратно…

Тишину, как пальто, ночь на плечи накинет

Тишину, как пальто, ночь на плечи накинет,
Время быстро минутами в полночь бежит.
Тень сомнений в безумии сумрака сгинет
Потому что в душе моей пламя горит.

Рассмеется луна, оглядевши округу,
Из окна выползаю неслышно змеей.
Подаю свои руки надежному другу,
Ты поймаешь, я рада, что ты рядом со мной.

А куда мы идем? Разве это так важно?
Пусть тропинка петляя пред нами скользит.
Ты бесстрашен сегодня, и сердце отважно
Под моими руками упрямо стучит.

Ощущать тебя рядом – безумство и сладость.
А твой голос по венам – как медленный яд.
Мои ночи с тобой как беспечная радость,
Ну а дни без тебя – это истинный ад.

Прокляните меня, изгоните из рая,
Снова в ночь за тобой уползаю в окно.
Мне не надо ни солнца, ни цветущего мая —

Просто мне все равно, мне теперь все равно!

Татьяна Городицкая

Во тьме…

Я столько на ощупь во тьме пробиралась,
Царапая ногти, сбивая колени…
Надеясь на чудо, опять ошибалась…
Я помнила, раньше там были ступени…
И голос мне явственно слышался часто,
И чьей-то рукой направлявший незримо…
Он был наделён надо мной сильной властью,
Влекущей, ведомой и неоспоримой…
Пусть в чёрном квадрате цветных нет оттенков,
В своих стеллажах покопается память…
Иду я, рукой опираясь, по стенкам,
Надеясь, что голос маршрут мой направит…
И так, привыкая к нему постепенно,
Считая отсутствие света обычным,
Смогла быть один на один откровенна,
Считая тот голос уже своим личным…

Рассвет разбудил мягким розовым шёлком,
Накинув прохладу на голые плечи…
Тот был просто сон, чем то чудным наполнен,
Его продолженье подарит мне вечер…

Моему Ангелу

Ты с рожденья со мною был и ты рядом со мной сейчас,
Каждый шаг отмечал в пути, находясь впереди меня…
Под защитой твоих крыл и всевидящих светлых глаз
Продолжала опять идти,
Словно сотую жизнь сменя…

Сколько раз ты меня спасал, на руках вынося из тьмы,
Чтоб спасительный кислород своевременно дать устам…
Ангел мой, ты давно не спал, отдых крыльям своим возьми…
Ну а я обниму тебя и тревожить зазря не дам…

Расцарапаны крылья в кровь, я вмешаю любовь в бальзам…
Ни единой живой душе не тревожить тебя во сне…
С новой силой, окрепший, вновь поведёшь по своим следам
Свято верящую в тебя, охраняя теперь вдвойне…

В параллельных мирах

В параллельных мирах не открыт ни один портал…
И сквозь занавес звёздный, увы, непроглядна тьма…
Я искала тебя в отраженьи земных зеркал,
К сожалению, там отражалась лишь я сама…

Силуэт различала практически в каждом сне,
И картинным холстам доверяла порой штрихи…
Народившийся месяц с улыбкой молчал в окне,
Освещая в блокноте личном мои стихи…

И в какой-то момент ты коснулся моей души,
Обнимая неслышно и бережно весь мой мир…
И со скоростью света начал во мне кружить
Чувства, мысли, желания тайные, mon ami…

Ты- мне посланный свыше дар, талисман судьбы,
Проводник во Вселенной, негаснущий в сердце свет…
Я ладони сложу в благодарственный знак мольбы
На ближайшую сотню отмерянных Богом лет…

Охотник

Ты в мой внутренний мир порасставил свои силки,
И как профи- охотник подкармливал нежно дичь…
Рассчитал всё отточено- точно, всё по-мужски,
Чтоб в назначенный час аккуратно меня настичь…

Ну а я разрешала себя уводить тропой
Во Вселенный астрал… Я хотела туда попасть!
И влекома была однозначно одним тобой,
Каждой клеточкой чувствуя всю неземную власть…

Я искала подсказки, чтоб выбрать короткий путь
К достижению цели, что ты для меня желал…
Аромат твоей кожи стараясь своей вдохнуть,
Чтобы вновь на запястье ускоренный пульс стучал…

В глубине твоих глаз отыскав огонёк любви,
Я расплавленным золотом в вены твои вольюсь…
Бриллиантик Вселенной ты в сердце моё вживил,
И сокровищем этим я втайне теперь горжусь…

Мы в тишине черпаем вдохновение

Мы в тишине черпаем вдохновение
И ощущаем звуки и касания…
Чтобы постичь всё таинство мгновения,
На лист бросаем тихие признания…

Слова, как бисер… В строчки собираются
Ручной работы нежные творения…
И в чьих-то душах словно отражаются
Желанья наши, мысли и сомнения…

Выплёскивая разом шквал эмоций,
Порою балансируя на грани,
Адреналин деля на много порций,
Его, по сути, получаем сами…

Как буря штилем медленно сменяется,
Храня в песке следов различных множество,
Так и стихами кто-то вдохновляется,
В них находя приют от одиночества…

Иван Зайцев

«Знанье пламенем жарким порой обдает,
а порой охлаждает и студит, как лед.»
Джон Донн.

Tabula rasa

Боюсь, что ограничусь мерой
Да обрету покой ума,
Когда его наполнит верой
Природа мудрая сама,
Чтоб он уже не заблуждался
И не изыскивал путей
В миры иные и пространства,
В которых не было идей…

Желаю жить без рассуждений
И алчущих познаний дум!
Но жизнь без истин и сомнений
Отравит мой пытливый ум.
И потому я зов твой, пращур,
Застал в душе своей живой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.